

ОТРАЖЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ

Аннотация. В статье исследуется проявление национальной идентичности в поэтических текстах в разных модусах: через отображение фактов истории, культуры, традиций, национальных праздников, географии своей страны и др. Материалом исследования послужили стихи М. Цветаевой, А. Ахматовой, Е. Евтушенко, А. Вознесенского.

Ключевые слова: поэтический текст, история, культура, Москва, Петербург.

Русская поэзия во все времена была средством выражения национальной идентичности. Как писал Н. Бердяев, «Человек входит в человечество через национальную индивидуальность, как национальный человек, а не отвлеченный человек, как русский, француз, немец или англичанин... Национальный человек – больше, а не меньше, чем просто человек, в нем есть родовые черты человека вообще и еще есть черты индивидуально-национальные» (Бердяев Н., 2004, 107).

Концептуализация действительности в поэтическом тексте может осуществляться в номинативном, событийном, историческом и др. аспектах. На формирование картины мира оказывают влияние такие факторы, как традиции, природа, ландшафт, воспитание, обучение и т. д.

В. И. Постовалова утверждает, что языковая картина «не есть зеркальное отображение мира и не открытое «окно» в мир, а именно картина, т. е. интерпретация, акт миропонимания... Язык окрашивает через систему своих значений и их ассоциаций концептуальную модель мира в национально-культурные цвета» (Постовалова В. И., 1988, 42).

«Национально-культурные цвета» в языковой картине мира определенного народа могут проявляться при помощи разных средств. Это может быть специфическая лексика, ритуалы, обряды, фразеологизмы, символы, закрепленные в языке. В поэзии особым художественным образом проявляется менталитет народа. Как писал Б. В. Томашевский, «произведение создает не один человек, а эпоха, подобно тому, как не один человек, а эпоха творит исторические факты» (Томашевский Б. В., 1959, 152).

Национальная идентичность в поэтических текстах может проявляться в разных модусах: через отображение фактов истории, культуры, традиций, национальных праздников, географии своей страны, особенностей природы, в которой живет народ и т. д.

Важную роль в поэтических текстах играют прецедентные имена, т. е. известные всему национально-культурному сообществу. Прецедентные имена – это сложные семантические знаки, способные емко, а главное, кратко отразить любую сферу человеческой жизни: историю, политический строй, культуру, социальные отношения и т. д. Приведем несколько таких примеров, характерных именно для русской нации:

*Скрытымным – это не силлабика. / Лермонтов поэтому непере-
водим. / Лучшая Марина зарыта в Елабуге. / Где ее могила? –
скрытымным...*

*Так Пушкин порвал бы, услышав, / что не ядовиты анчары, / вели-
кое четверостишие / и начал сначала!*

*Хоронила Москва Шукина, / хоронила художника, то есть / хоро-
нила страна мужика / и активную совесть.*

*С души все спадает рабское, / пустяковое, / когда я вхожу в про-
рабскую / Цветаева и Третьякова. / Пчелы национальные! / Медичи из
купцов – / москворецкие меценаты, / точнее – творцы творцов.*

*И сказал Шагал, чуть дыша,
в час последний вдали от родины:
«Там осталась моя душа...» –
и глаза его синие дрогнули.*

*Победу пели наши склянки, / но отвоеванный наш Крым / презен-
товал Хрущев по пьянке / собратьям нашим дорогим.*

Целые эпохи могут отражаться в поэтических текстах. Например:

*Из Москвы уезжает боярыня,
Напоследок двуперстьем грозит.
За крамольные речи наказана
Ссылкой в дальний монашеский скит.
Но не сломлена духом раскольника, –
Сердце вольное гневом кипит.
И бежит за ней русская вольница
Проводить исчезающий быт.*

Одновременно строки стихотворения – это и ассоциативное обращение к картине Василия Сурикова «Боярыня Морозова». На его картине на простых санях, застеленных соломой, полулежит Феодосия Морозова с поднятой вверх рукой с двумя перстами – символом старой веры. И стихи, и картина Сурикова отсылают нас к трагической странице русской истории середины XVII века – эпохе раскола русской православной церкви.

О религиозном лидере русского старообрядчества протопопе Аввакуме, о его ярости в отстаивании старообрядческой веры Е. Евтушенко пишет так:

*Переходила истовость в неистовость
горящего пророка во плоти,
и книгу Аввакума перелистывать,
как будто в сруб пылающий войти.*

Еще одна страница нашей истории – Степан Разин:

*Царь и Бог! Простите малым –
Слабым – глупым – грешным – шалым,
В страшную воронку втянутым,
Обольщенным и обманутым.*

*Царь и Бог! Жестокой казнию
Не казните Стеньку Разина!*

*Царь! Господь тебе оплатит!
С нас сиротских воплей – хватит!
Хватит, хватит с нас покойников!
Царский Сын, – прости Разбойнику!
В отчий дом – дороги разные.
Пощадите Стеньку Разина!*

...

*да за удаль несуразную –
Развяжите Стеньку Разина!*

...

*Царь и Бог! Для ради празднику –
Отпустите Стеньку Разина!*

Стихотворение написано Мариной Цветаевой в 1918 году. Дата его создания имеет важное значение для понимания текста. Образом Стеньки Разина Цветаева как будто обращается к новой власти не быть такой жестокой и безжалостной, такой кровавой. Она как будто молит: *простите, не казните, пощадите, развяжите, отпустите*.

Иногда в поэтических текстах причудливым образом соединяются совершенно разные эпохи, древняя история и современность:

*Вся Русь, / где столько казнено, – / на Лобном месте казино. /
Словно заплатки на портки / кругом ларьки, / ларьки, / ларьки. / Что по-
зади? / Цари, / царьки, / самая в мире лучшая / проволока колючая, / па-
лачи, / салтычихи, / стукачи, / стукачихи, / политбюрошные, / в похо-
жести почти нарошные, / вожди ... / Неужто это и впереди?*

Помимо исторических экскурсов национальная идентичность проявляется в поэзии через образы своей страны, природы, людей. Строго говоря, основой национальной идентичности является верность традициям, преемственность поколений и следование духовно-нравственным ориентирам. Это очень ярко отражено в творчестве М. Цветаевой, кото-

рая писала: «Родина не есть условность территории, – писала М. Цветаева, – а непреложность памяти и крови. Не быть в России, забыть Россию – может бояться лишь тот, кто Россию мыслит вне себя. В ком она внутри, – тот потеряет ее лишь вместе с жизнью» (Цветаева М., 1995, 206).

Она выросла в особой семье. Отец поэта – профессор Московского университета, основатель Музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, мать была блестящей пианисткой, свободно владела четырьмя европейскими языками, глубоко знала историю и литературу, сама писала стихи.

Марина Цветаева всю жизнь преклонялась не только перед отцом и матерью, но перед всем их поколением, которое она называла «поколеньем с сиренью и Пасхой в Кремле».

*Вы – ребенку, поэтом
Обреченному быть,
Кроме звонкой монеты
Всё – внушившие – чтить...*

*Вам, в одном небывалом
Умудрившимся – быть,
Вам, средь шумного бала
Так умевшим – любить!*

*До последнего часа
Обращенным к звезде –
Уходящая раса,
Спасибо тебе!*

При этом ее семья была традиционной православной семьей. С радостью ждали Новый год и Рождество, дарили подарки, украшали елку, на Пасху и красили яйца и пекли куличи, ходили в церковь, как вся православная дореволюционная Россия. И эти русские православные традиции активно проявляются в творчестве М. Цветаевой: *1. Звон колокольный и яйца на блюде / Радостью душу согрели. / Что лучезарней, скажите мне, люди, / Пасхи в апреле? 2. В день Благовещенья / Улыбаюсь до вечера, / Распростившись с гостями пернатými. / – Ничего для себя не надо мне / В Благовещенье, праздник мой!*

М. Цветаева бесконечно любила свою родную Москву, ей она посвятила множество поэтических строк: *1. Над синевой подмосковных роц / Накапывает колокольный дождь. 2. Облака – вокруг, / Купола – вокруг, / Надо всей Москвой / Сколько хватит рук! 3. Семь холмов – как семь колоколов! / На семи колоколах – колокольни. / Всех счетом – сорок сороков. / Колокольное семихолмие! 4. Над городом, отвергнутым Петром, / Перекатился колокольный гром. ...Царю Петру и вам, о царь, хвала! / Но выше вас, цари, колокола. / Пока они гремят из синевы – / Неоспоримо первенство Москвы.*

Другой великий русский город – Петербург – воспет другим великим русским поэтом – А. А. Ахматовой. Все ее творчество буквально «пропитано» этим городом: его история, культура, великие творцы, любовь, страдания, сам дух города над Невой она сохранила и воспела в своих стихах. 1. *О, это был прохладный день / В чудесном городе Петровом! / Лежал закат костром багровым, / И медленно густела тень.* 2. *За то, что, город свой любя, / А не крылатую свободу, / Мы сохранили для себя / Его дворцы, огонь и воду.* 3. *Вновь Исакий в облаченьи / Из литого серебра. / Стынет в грозном нетерпеньи / Конь Великого Петра.*

Образы Петербурга нашли отражение в творчестве Пушкина, Гоголя, Достоевского, Блока, Белого, Мандельштама и др. И у каждого из них свой неповторимый Петербург. Но именно в лирике Анны Андреевны Ахматовой этот город становится действующим лицом в ее биографии. В ее стихах упоминаются многие архитектурные шедевры, сделавшие образ Петербурга единственным и неповторимым: Александровская колонна, Аничков мост, Зимний дворец, Медный всадник, Исаакиевский собор, Смольный институт, Михайловский замок, Петропавловская крепость и др. И это тоже приметы национальной идентичности.

Марина Цветаева в одном из своих писем употребила выражение «национальное сиротство», которому, на наш взгляд, как раз и противопоставляется национальная идентичность человека, т. е. ощущение им принадлежности к определенной нации, а национальная идентичность в целом – это чувство народа как единого целого. Поэзия в полной мере выражает это единство русской нации, представленного уникальными традициями, преемственностью поколений, историей, культурой и языком.

Литература

1. Бердяев Н. А. Национальность и человечество // Судьба России. Кризис искусства. М., 2004. С. 101–109.
2. Постовалова В. И. Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира. М.: Наука, 1988. С. 8–69.
3. Томашевский Б. В. Писатель и книга. Очерк текстологии. 2-е изд. М.: Искусство, 1959.
4. Цветаева М. Собрание сочинений : в 7 т. / сост., подготовка текста и коммент. А. Саакянц и Л. Мнухина. М.: Эллис Лак, 1994–1995. Т. 4(2).